

П. И. Гайденко

МОНАСТЫРСКИЕ ПИРЫ, ТРАПЕЗЫ (несколько набросков к жизни древнерусского монашества XI–XIII вв.)

Одним из важнейших элементов жизни древнерусского монастыря была трапеза. Ее организации сопутствовали определённые ритуалы. Совместно с подававшимися на стол блюдами сопровождавшие вкушение пищи действия участников совместного стола обладали не только сугубо утилитарными, но и религиозными смыслами. Монастырская практика хорошо вписывалась в традиции раннего христианства и отчасти несла его идеалы. Сохранению и утверждению таковых способствовали монастырские уставы, из которых лучше всего сохранился Студийский устав. Вполне вероятно, что столь строгая регламентация приёма еды не только расширяла сферу сакрального, но и дисциплинировала жизнь иноческой общины. Не будет большим преувеличением считать, что совместная трапеза черноризцев способствовала укреплению идеалов общежития. Но в этой массе, из среды насельников монастыря, выделялись игумен, его помощники и лица, облечённые саном. В итоге всё перечисленное способно многое рассказать о внутренней жизни обителей, их достатке, господствовавших в умах и душах насельников идеалах, а также о разнообразных социальных нормах и проблемах, присутствовавших в иноческой общине. В представленной статье предпринята попытка осмыслить феномен древнерусской иноческой трапезы (XI–XIII вв.) и на основе её анализа провести частичную реконструкцию жизни древнерусского монашества.

Ключевые слова: древнерусское монашество, история Русской Церкви, Древняя Русь, древнерусская трапеза, церковная трапеза, монастырская кухня, история повседневности, быт и нравы Древней Руси, Студийский Устав, монашеские уставы Древней Руси.

Притом, что существование монаха обусловлено обетом «постнического жития»¹, это совсем не означало, как не предполагает и сейчас

Гайденко Павел Иванович — д. и. н., доцент, доцент кафедры истории и философии Казанского государственного архитектурно-строительного университета, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Казанского национального исследовательского технологического университета (paul08kaz@rambler.ru).

¹ Во время омологии или исповедания готовящийся к постригу брат, отвечая на вопрос игумена: «Что прииде брате припадаа к святому жрътовнику» должен был произнести: «Желаа житиа постническаго честный отче». (Требник. СПб., 1884. Л. 83 (об.); *Арранц Михаил Сѣ.* Избранные сочинения по литургике. В 5 т.: Т. 4: Византийский монашеский постриг. Исторический опыт. М., 2003. С. 102–103). Правда, предложенная формулировка

совершенный отказ инока от приёма пищи. Иное дело, само употребление еды для черноризца, особенно при условии его пребывания в общине подобных ему собратьев не только сопровождается ритуалами, но и сопряжено с массой ограничений. Правда, при здоровом отношении к предписаниям даже в таких суровых условиях поданное на стол было способно не только поддержать силы «земного ангела», но и внести в неё немало радости и довольства, как, впрочем, и иных чувств и волнений. Судя по имеющимся религиозным текстам, палитра сопутствовавших иноческому столу переживаний была многообразной. Собственно, уже именование блюд и разрешений в «скоромные» дни и в дни «разговения» **«утешением»**² ясно указывает на то, что духовная приятность поста, скромность монашеского существования³ и скудность сопутствующей им пищи, не всегда приводили к одинаковому религиозно-эмоциональному результату⁴. Реальная жизнь почти всегда оказывалась сложнее, интересней, а даруемые ею плоды вкуснее и питательнее.

присутствует в монашеских чинах пострига неосаваитской традиции. В студийской традиции посту и воздержанию уделено внимание в поучении:

«не лъжею наречеши ся ученикъ его любяши быти:

**уготовити ся отъселе не на покои ни на пищу
ни на ино етеро земьныхъ красоть славныхъ
нъ на подвигъ духовны,
на пощение плъти,
на очищение души,**

на нищету духовную...» (*Арранц Михаил Sĵ*. Избранные сочинения по литургике... Т. 4... С. 64).

² Текст Студийско-Алексиевского устава // *Пентковский А. М.* Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001. С. 376; *Ковина Е.* Устав о посте по Типикону [Электронный ресурс] // URL http://leushino.ru/kurs/ustav_o_poste_po_tipikonu.html (дата обращения: 09.01. 2016).

³ Стиховне самогласен дне. Глас 3: «Постимся постом приятным, благоугодным Господеви...» (Службы Первой седмицы Великого поста. В 2 кн. М., 1993. Кн. 1. С. 61).

⁴ В посланиях Кирилла Туровского тема монашеского нестяжания, скромной еды и довольство простой одежды встречаются многократно. Всё это указывает на то, что оценка своей жизни насельниками монастырей существенно отличалась от того, к чему их призывали туровский проповедник и монашеский устав. См.: Повесть Кирилла, многогрешного монаха, о белоризцах и о монашестве, о душе и о покаянии — Василию, игумену Печерскому // *Колесов В. В.* Творения бл. Кирилла Туровского. Притчи, слова, молитвы: исследования и тексты / публ., коммент., предисл., пер. В. В. Колесова. М., 2009. С. 45, 51–52; Кирилла, епископа Туровского, сказание о черноризском чине из Ветхого Завета и Нового: того носит образ, а этого наполняет делами // Там же... С. 56.

Разумно предположить, что монашеская трапеза регламентировалась уставами и представлениями, восходившими к разнообразным иноческим традициям, черпавшимся от монахов переселенцев⁵ и странствующих калугеров⁶. Источниками подобных стереотипических норм могли быть богослужебные и агиографические тексты⁷. Можно уверенно констатировать, что начиная с XV—XVI вв. и в более позднее время, благодаря дошедшим до наших дней иноческим уставам и столовым обиходникам, восстановление монастырской трапезы и её блюд не представляет большой сложности⁸. Однако в отношении домонгольской Руси решить таковые задачи крайне затруднительно. Возможно, именно поэтому историография проблем организации монашеского стола невелика. Это её принципиально отличает от состояния изученности вопросов организации и проведения пира. В итоге можно констатировать, что исследование проблем регламентации монастырской трапезы находятся только в начале своего пути.

Любой разговор о монастырской трапезе будет неполон без разрешения терминологического вопроса. Действительно, всякое ли вкушение пищи иноками правомерно считать трапезой? Древнерусский язык не был терминологичным, как это хорошо отметила Т. Викул⁹. Но это совсем не означает, что выбор слов, применявшихся авторами древнерусских текстов, случаен. Несомненно, рассмотрение любого приёма пищи христианами и в том числе монахами в качестве трапезы возможно и оправданно¹⁰. Но древнерусские книжники XI—XIII вв., отличавшиеся повышенным

⁵ Пример такой передачи хорошо виден в распространении печерских традиций через посредство Никона, Варлаама, Антония Римлянина и других выходцев из прославленной обители.

⁶ Подобным примером могут служить образы Антония Печерского и Антония Римлянина, а также образ безвестного инока, постригшего Варлаама, будущего основателя Хутынского монастыря.

⁷ Несомненно, образы иноков, отличавшихся постническим житием, служили примером того, каким должен был быть монашеский образ существования, быт и, конечно же, стол подвижника. Печерский Патерик сохранил целую череду имён иноков, отличавшихся сугубым постничеством. См.: Киево-Печерский Патерик // Библиотека литературы Древней Руси: Т. 4: XII век / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексея, Н. В. Поньрко. СПб., 2004. С. 296–489 (далее — БЛДР).

⁸ См. подробнее: *Судаков Г. В.* Монастырская трапеза в XVI в. // Русская речь, 1998. № 6. С. 70–75.

⁹ *Викул Т. Л.* Люди и князь в древнерусских летописях середины XI—XIII вв. М., 2009. С. 15.

¹⁰ *Чумакова Т. В.* Сотрапезничество со Христом. Образ трапезы в древнерусской книжности // «Пир — это лучший образ счастья». Образы трапезы в богословии и культуре / под ред. С. Панич, И. Языковой. М., 2016. С. 91–103.

чувством к слову, крайне редко использовали такое обозначение для описания процесса вкушения и чаще использовали иные во многом синонимичные формы: стол¹¹, еда¹², пир¹³, обед¹⁴, вечеря¹⁵, ужин¹⁶. Термин «трапеза» также встречается. Правда, его использование ограничивалось вполне определённым кругом тем и ситуаций. Во всяком случае, в домонгольский период им преимущественно обозначались алтарный престол или литургическое предложение¹⁷. В контексте ритуального приёма пищи, слово «трапеза» активно использовалось в Студийском Уставе¹⁸, войдя в обиход монастырского быта в качестве обозначения совместного благочинного приёма пищи монахами¹⁹. В представленном контексте он сопрягался

¹¹ Память и похвала Иакова мниха князю Владимиру Святославичу // Памятники общественной мысли Древней Руси: Т. 1: Домонгольский период / сост., автор вступ. ст. и коммент. И. Н. Данилевский. М., 2010. С. 285 [далее – ПОМДР].

¹² «ядь ихъ», «не имамъ, что предъложити на ядь», «предложити на ядь» (Житие Феодосия Печерского // Памятники литературы Древней Руси: XI – начало XII века / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачёва. М., 1978. С. 330, 360, 364).

¹³ Канонические ответы митрополита Иоанна II // Русская историческая библиотека. Т. 6: Памятники канонического права: Ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб., 1880. Стб. 16 [Иоан. 29], [далее – РИБ]; Вопросы Кирика, Саввы и Ильи, с ответами Нифонта, епископа Новгородского, и других иерархических лиц // РИБ. Т. 6. Ч. 1. Стб. 47 [Кирик 88].

¹⁴ «възлежащемъ на обеде у властелина», «седъшемъ имъ на обеде», «постыны ты обеде», «прити къ тема на обедъ» (Житие Феодосия Печерского... С. 314, 364, 366, 376). Об «обедах» упоминают и иные источники: преподобный Кирик, летописание, Сказание о Борисе и Глебе (Вопросы Кирика, Саввы и Ильи, с ответами Нифонта, епископа Новгородского, и других иерархических лиц... Стб. 39 [Кирик 60]); ПСРЛ. Т. 2. Стб. 172, 280, 415; Въ тѣхъ д[е]нь сѣказаніе и страсть и похвала с[в]ятую м[у]ч[е]н[и]коу бориса и глеба г[оспод]и бл[а]г[о]с[ло]ви о[т]че // Успенский сборник XII–XIII вв. / ИРЯ АН СССР; под ред. С. И. Коткова. М., 1971. С. 63.

¹⁵ Житие Феодосия Печерского... С. 368; Текст Студийско-Алексиевского устава... С. 371–372.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 232.

¹⁷ Вопросы Кирика, Саввы и Ильи, с ответами Нифонта, епископа Новгородского, и других иерархических лиц... Стб. 40 [Кирик 64]; Неведомы(х) словесъ . изложено Георгиемъ . митрополито(м) Киевскимъ . Герману игоумену въпрашающу . оному поведаящущу) // Славяне и их соседи. Славянский мир между Римом и Константинополем. М., 2004. Вып. 11. С. 243, 244 [Георг. 49, 53].

¹⁸ Текст Студийско-Алексиевского устава... С. 371–372, 378.

¹⁹ Данное обстоятельство хорошо прослеживается в тексте Студийского Устава. Когда дело касается подававшихся блюд и очередности столов в течение дня, Устав употребляет термины «обед», «вечеря». Но тогда, когда Устав акцентирует внимание на смысловом содержании накрытого стола, уподобляя его жертвоприношению, сопровождаемому песнопениями и молитвой, и оценивая его как продолжение литургического действия, собранное именуется «трапезой» (Текст Студийско-Алексиевского устава... С. 371–372).

с нормами монастырских уставов. С этим словоупотреблением связан пристрой к главному храму Антониева монастыря (1127/1128)²⁰. Притом, что летописец употребил именно данный термин, созданная иноком Антонием обитель, учитывая латинские (ирландские) корни устроителя монастыря²¹, была всё же связана не со студийской, за что высказалась Л. А. Секретарь, а с западноевропейской уставной традицией. На Руси массовое строительство трапезных при храмах общежительных монастырей будет отмечено только с XVI—XVII вв.

Иногда слово «трапеза» встречается и в привычном достаточно широком смысле, связанном с организацией столов²². Оно присутствует в «Слове» Даниила Заточника, с юмором укорявшего своих друзей, отказавшихся от него в дни его трудностей, «ибо не предложил им трапезы с многоразличными яствами»²³. Для этого древнерусского автора, кем бы он ни был²⁴, характерно насмешливое отношение к церкви и удивительно свободное

Аналогичное отношение присутствует в целях принятия Студийского Устава преподобным Феодосием: **«на трапезе седение . и что ясти . въ кыя дни все съ въставлением»** (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 148–149).

²⁰ О трапезном пристрое сообщают новгородское летописание и житие Антония Римлянина. Притом, что само сооружение не сохранилось, его археологические следы хорошо прослеживаются. **«Того же лета обложи игумень Антонии в Новгороде трапезницо камену»** (ПСРЛ. Т. 3. С. 206; Сказание о житии преподобного Антония Римлянина // Святые русские римляне: Антоний Римлянин и Меркурий Смоленский / подг. текстов и исслед. Н. В. Рамазановой. СПб., 2005. С. 264; *Секретарь Л. А.* Монастыри Великого Новгорода и окрестностей. М., 2011. С. 241, 276 [10 ссылка]; Она же. Антониев Рождественский монастырь // Архитектурное наследие Великого Новгорода в Новгородской области / сост. и науч. ред. М. И. Мильчик. СПб., 2014. С. 229).

²¹ О западноевропейских, ирландских влияниях в творчестве Кирика Новгородца и в устройстве Антониева монастыря см. подробнее: *Мильков В. В.* Первый ученый Руси: жизнь, творчество, идейное своеобразие воззрений. К 900-летию Кирика Новгородца // Россия XXI век. 2010. № 6. С. 90–94; *Мильков В. В., Симонов Р. А.* Кирик Новгородец: учёный и мыслитель // Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. VII. М., 2011. С. 30–79.

²² **«представляше темь трапезу от брашьнь техъ манастырскихъ»**, **«о брашьне предъложенемь на трапезньници от келаря»**, **«предъставиши на трапезе братии»**, **«на трапезу Вельзавелину»** (Житие Феодосия Печерского... С. 356, 358, 360, 376).

²³ Слово Даниила Заточника, которое он написал своему князю Ярославу Владимировичу // ПОМДР. Т. 1. С. 155.

²⁴ О личности Даниила Заточника см.: *Будовниц И. У.* Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.) / отв. ред. В. Л. Черепнин. М., 1960. С. 274–290; *Воронин Н. Н.* Даниил Заточник // Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967. С. 54–101; *Рыбаков Б. А.* Даниил Заточник и владимирское летописание конца XII в. // Археографический ежегодник за 1970 г. М., 1971. С. 43–89; *Семенюк О. О.* Кем был загадочный Даниил Заточник? // Образование. Наука. Научные кадры. 2015. № 5. С. 18–21.

цитирование библейских и церковных текстов²⁵. Однако, шутка оказалась уместной и полной не только человеческого, но и религиозного смысла, отослав читателя к книге Иисуса сына Сирахова. Она точно даёт характеристику поступку бывших сотрапезников, отразив переживания и обиду самого Даниила²⁶. В какой-то мере, литературный приём знаменитого Заточника не одинок. Подобным образом поступил отказавшийся прийти на пир Ярославичей Феодосий Печерский. В своём отрицательном и категоричном ответе князьям он провёл параллели между организованным ими пиром и «тряпезой вельзевелиной»²⁷. Правда, в отличие от Даниила преподобный игумен не был склонен к шуткам. Феодосий объяснял свою позицию виновностью младших сыновей Ярослава Мудрого в изгнании старшего брата и в «крови убитых».

Не менее примечательно житие Авраамия Смоленского, акцентировавшее внимание, в том числе на том, что преподобный отказывался посещать пиры и трапезы²⁸. Очевидно, что для составителя рассказа это были разные формы приёма пищи. Вероятно, в смысловом отношении их объединяло изобилие блюд, присутствие спиртного, торжественность и значимость в глазах горожан. А в понимании Авраамия эти формы столов роднились и результатами: возникавшими за ними ссорами и пьянством. В итоге, можно констатировать, что в XI–XIII вв. термин «трапеза» использовался только тогда, когда возникала необходимость в обозначении религиозно осмысленных и ритуализированных действий, обладавших высоким сакральными смыслами (жертвы, священной дружбы, приношения, торжественного продолжения богослужения). Именно в таком жертвенном смысле воспринималась трапеза в библейской традиции²⁹, отличаясь от ритуальных обедов и пиров, существовавших в восточнославянском обществе со времён язычества.

Скорее всего, акцентированное внимание преподобного Феодосия на организации трапезы объясняется стремлением игумена преодолеть

---

²⁵ Наиболее полно названная черта текстов, связанных с именем Даниила Заточника, проанализировано И. Н. Данилевским (*Данилевский И. Н. Холопское счастье Даниила Заточника* [Электронный ресурс] // Казус. 2002. № 4. // URL <http://www.orbis-medievalis.ru/library/dan-dan.pdf>, свободный (Дата обращения: 18.01. 2016).

²⁶ Слово Даниила Заточника, которое он написал своему князю Ярославу Владимировичу ... С. 155, 409 [ссылка 461].

²⁷ Житие Феодосия Печерского... С. 376.

²⁸ Житие Авраамия Смоленского // БЛДР: XIII век. СПб., 2005. Т. 5. С. 40–41.

²⁹ Федотова Е. Запрещенная трапеза в Библии // «Пир — это лучший образ счастья». Образы трапезы в богословии и культуре. М., 2016. С. 42–43.

присутствовавшие в иноческой среде обычаи, привнесённые в стены монастырей из мира и княжеско-дружинной среды³⁰. Превращение монашеского стола в трапезу, являвшую собой продолжение богослужения³¹, вполне отчётливо обнаруживает намерение преп. Феодосия достичь духовного совершенства. По сути, трансформация совершавшихся монахами и священнослужителями пиров в церковные трапезы соответствовала постепенному росту церковного сознания.

Организация приёма пищи в обители и у монашествующих

Вопросы организации приёма пищи в монастырях и особенности стола иноков, проживавших вне стен обителей, вполне наглядно и убедительно рисуют полифоничность не только иноческой, но и общецерковной (насколько данный термин приемлем для домонгольского периода) жизни на Руси XI–XIII в. Прежде всего, обращает внимание разнообразие форм приёма пищи, о чём писалось выше: обеды, пиры и т. д. Такое разнообразие, вероятно, объясняется как традициями времени вкушения еды, так и смысловым содержанием столов: от обычного вкушения, до поминаний и праздничных пиров. Правда, в последнем случае, возникает вопрос: кто видел в монашеском пире — пир: тот, кто его организовывал и присутствовал, или / и тот, кто наблюдал за этим со стороны? Так, например, комплекс повествований о жизни Печерского монастыря ни разу не упоминает слово «пир» при характеристике братских столов. Но, по крайней мере, два сообщения Печерского патерика содержат намёки и упрёки в отношении обильных яств которые всё же присутствовали в быту некоторых насельников обители.

Наиболее наглядные примеры: рассказ о некоем черноризце, который «втайне же ел и пил, и жил распутно»³², и упрёк, прозвучавший в адрес игумена монастыря, не позаботившегося об умершем монахе, Афанасии: «Человек Божий этот второй день лежит непогребенным, а ты

³⁰ О церковных пирах см.: *Гайденко П. И., Москалёва Л. А., Фомина Т. Ю.* Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы. М., 2013. С. 68–79.

³¹ Этот высокий смысл обнаруживается не только в положениях Студийского Устава, определявшего торжественный приход братии в трапезную после службы, но и в монашеском чине о Панагии, который, правда, был усвоен в русской иноческой традиции очень поздно. См.: *Текст Студийско-Алексиевского устава...* С. 368–369, 371–372; *Великий часослов.* М., 1995. С. 148–153.

³² *Киево-Печерский Патерик...* С. 362, 363.

веселишься»³³. Тем не менее, судя по замечаниям патерика, подобные ситуации воспринимались как недопустимые. Вероятно, идеи преп. Феодосия нормы введённого им устава продолжали существовать даже в те времена, когда монастырь начал утрачивать своё прежнее духовное значение, а нормы студитов перестали иметь практический смысл. Однако в иных обителях ситуация порой складывалась иначе.

Действительно, в особых случаях монахи не отказывали себе в организации пиров. А тогда, когда таковые были слишком дороги и невозможны, иноки довольствовались посещением светских (мирских) застолий. О существовании практики проведения монашеских пиров можно судить по одному из канонических ответов митрополита Иоанна³⁴. Не вдаваясь в разбор причин поступившей к первосвятителю жалобы от благочестивого вопрошателя, беспокоившегося о спасении душ своих братьев и возмущенного их поведением, следует обратить внимание на то, что иноческие пиры в отдалённых от Киева обителях имели место. Не менее интересны упоминания о присутствии иноков за светскими столами.

Собственно за княжеским пиром иночество и было впервые явлено Руси³⁵. Подобное упоминание о регулярном присутствии иноков за столами содержится в житийном рассказе об Авраамии Смоленском, отказывавшемся посещать трапезы и пиры. Судя по всему, остальное духовенство города, включая черноризцев, не пренебрегало возможностью вкушать от щедрости организаторов угощений³⁶. На их фоне Авраамий воспринимался современниками настоящим подвижником. Впрочем, между пирами крестителя Руси князя и смоленских князей существует разница. Столы Владимира, хоть и устраивались в дни церковных торжеств, но, скорее всего в отношении священства и иноков преследовали своей основной целью кормление пришлого духовенства³⁷. Столы смоленского князя, отличались иными намерениями и, скорее всего, связывались с торжествами. О присутствии монахов вне стен обители можно судить и по нормам Русской Правды и Церковных уставов, упоминающих о пьянстве иноков и по вполне ожидаемым последствиям такового, о блуде.

---

³³ Киево-Печерский Патерик... С. 372, 373.

³⁴ Канонические ответы митрополита Иоанна II... Стб. 16–17 [Иоан. 29].

³⁵ Память и похвала Иакова мниха князю Владимиру Святославичу... С. 285.

³⁶ Житие Авраамия Смоленского... С. 40, 41.

³⁷ Гайденко П. И., Москалёва Л. А., Фомина Т. Ю. Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы... С. 71.

Как уже отмечалось, организация питания в монастырях XI–XIII вв., как и в целом содержания черноризцев в обители, не вполне понятна. Вероятно, это зависело от множества факторов. Более того, на различных этапах становления русского монашества формы этого содержания видоизменялись. Это видно по тому, как питались иноки в Печерском монастыре. Если на этапе зарождения обители источником питания и выживания в суровых условиях пещер, наиболее вероятно, были приношения, то по мере расширения монастыря описать порядок питания насельников уже сложнее по причине и неоднозначности организации быта иноческих общин. Вводимое игуменом Феодосием общежитие, предполагавшее питание в общей трапезной, о которой несколько раз упоминает его житие, сталкивается с тем, что некоторые иноки питались у себя в кельях³⁸. Однако основным источником пополнения общебратских запасов, шедших на содержание монастырского стола при преп. Феодосии, оставались пожертвования, поступавшие от знатных лиц³⁹.

Послефеодосиевский период истории Печерского монастыря характеризуется ослаблением студийских идеалов, которые вначале нарушались робко и тайно, как это представлено в истории смерти одного инока, утаивавшего от своего духовного отца свой грех, «и ни единъ же от братиа сего разумевъ»⁴⁰, а позже — стали нескрываемой нормой⁴¹. Что касается совместной монастырской трапезы, то источники её пополнения после смерти игумена Феодосия уже не упоминаются. Вероятно, с получением сёл, о дарении которых монастырю сообщает житие Феодосия⁴², потребность в притоке внешних продуктовых дарений для общины

³⁸ Весьма примечательно поучение Феодосия к братии: «Темъже, братие, довольни будемъ о уставныхъ одеждахъ нашихъ и о брашъ не предъложенемъ на трапезьници от келаря, а въ келии от сицевыхъ не имкше ничьтоже, да тако съ всякымъ усрьдиемъ и всею мыслию молитву свою чисту приносимъ къ богу» (Житие Феодосия Печерского... С. 358).

³⁹ Житие Феодосия Печерского... С. 360–362, 364, 366–368, 370; Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси: историко-бытовые очерки. М.; Л., 1966. С. 159–160.

⁴⁰ Киево-Печерский Патерик... С. 362.

⁴¹ Об этом можно судить по упрекам и назиданиям Кирилла Туровского в адрес печерских монахов: (Повесть Кирилла, многогрешного монаха, о белоризцах и о монашестве, о душе и о покаянии — Василию, игумену Печерскому. С. 44, 45, 48, 51–52; Кирилла, епископа Туровского, сказание о черноризском чине из Ветхого Завета и Нового: «Того нобит образ, а этого наполняет делами...» С. 56).

⁴² Житие Феодосия Печерского... С. 338; Филиппов В. Г. К вопросу об источниках материального обеспечения древнерусских монастырей // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История. 2012. Вып. 52. № 25 (279). С. 115–123.

потеряла свою остроту⁴³. Едва ли таковые приношения не делались. Логичнее предположить, что с годами они, напротив, стали более регулярными и в итоге перестали восприниматься как «чудо». Во всяком случае, при игумене Василии, в первой четверти XIII в., основным источником питания большинства иноков Печерской обители стала монастырская кухня. Об этом можно судить по жалобам, на которые отвечал туровский епископ Кирилл, призывавший братию довольствоваться тем, что они имеют. Наставление не уподобляться «мужам, в монастыре живущим без страха Божия, только о чреве и ризах думающим, и велеречьем гордящимся, но упреки и ссоры на всех без причин бросающим, земные почести с властью своевольно себе прибирающим, как захотят»⁴⁴, позволяет заключить, что с приходом нового архимандрита начался возврат к нормам Студийского устава. Очевидно, что не всем насельникам таковой порядок нравился, вызывая неприятие, прежде всего со стороны монахов, происходивших из мужей, свободных или высших слоёв древнерусского населения. Судя по форме назидания, даже игумен был бессилен перед требованием этой части насельников. Именно таким положением дел можно объяснить то, как часто Кирилл поднимает вопрос о послушании настоятелю общины, которого он ставит наравне со святительским и даже святоотеческим служением⁴⁵. Однако, всё выше изложенное хорошо прослеживается в отношении прославленного

---

⁴³ Об этом можно, например, судить не только по исчезновению сообщений о чудесном обнаружении или пополнении продуктов и всего, в чём испытывали нужду, но и по иным нюансам. Так, рассказ о поссорившемся с князем монахе Прохоре упоминает то, как Святополк отобрал у монастыря переданные обители солеварни. Примечательно, что никаких прямых упреков в адрес обидчика текст не содержит, что само по себе весьма показательно (Киево-Печерский Патерик... С. 427–435).

⁴⁴ Кирилла, епископа Туровского, сказание о черноризском чине из Ветхого Завета и Нового: того носит образ, а этого наполняет делами... С. 56.

⁴⁵ **«А славный честный Дом Его [христианская церковь — П.Г.] — это искусные зодчие церкви: патриархи, и епископы, священники и игумены, и все Учители Церкви, которые верою и чистотою приблизились к Богу и приемлют благодатью Святого Духа различные дары учения и исцеления по силе дара Христова»** (Слово блаженного Кирилла на Вербное воскресенье // Колесов В.В. Творения бл. Кирилла Туровского... С. 65). Подобная оценка роли игуменов присутствует ещё в одном послании: **«<...> патриархи, архиепископы, архимандриты поставлены меж церковью и алтарем стержь Святые Тайны от врагов Христовых, то есть от еретиков и зловерных грабителей, нечестивых грехолюбцев и неверных осквернителей»** (Кирилла монаха притча о человеческой душе и теле, о нарушении Божьей заповеди и о воскресении тела человеческого, о Сташном Суде и мучении // Колесов В.В. Творения бл. Кирилла Туровского... С. 30).

Печерского монастыря. Что касается иных обитателей, в том числе киевских, ситуация не столь ясна.

Отказ, полученный юным Феодосием в киевских монастырях при попытке остаться в их стенах для духовного подвига, вполне убедительно подтверждает своекоштное существование монахов в первых древнерусских обителях⁴⁶. Правда, произошедшее указывает и на иное: порочную практику пострига за приношения и деньги. Со временем подобная беда возникла и в Печерском монастыре. О том, насколько это зло будет актуально и для последующих веков, можно судить по одному из вопросов Стоглавого собора⁴⁷. А значит, на начальном этапе русского христианства обители не предполагали привычного современному сознанию общежития, что между тем, не мешало в особых случаях устраивать им пиры. В это же время Антониев Рождества Богородицы монастырь изначально устраивался как общежительный. Какими были уставные нормы иных общин черноризцев — трудно предположить.

Намного сложнее описать то, как было организовано питание черноризцев, проживавших вне стен монастырей. Их нравственный и религиозный облик отличался полярностью. Именно странствующие иноки нередко становились родоначальниками первых обителей на Руси, но и эта же категория монахов, как и их поведение, представляли проблему для церковных⁴⁸, а в более поздний период и для светских властей⁴⁹. Скорее всего

⁴⁶ Житие Феодосия Печерского... С. 316.

⁴⁷ Стоглав. Казань, 1862. С. 240–247 [50 вопр.]; Стоглав // Памятники российского права. В 35 т. Т. 3. Памятники права Московского государства. Кн. 2. М., 2014. С. 77–78 [50 вопр.]; Лунин С. В. Стоглав: историко-правовое исследование: монография. Самара, 2012. С. 38–39.

⁴⁸ В X в. на заре распространения христианства у южных славян странствующие иноки были настоящей проблемой для болгар (Литаврин Г. Г. Христианство в Болгарии в 927–1018 гг. // Христианство в странах Восточно-, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия М., 2002. С. 150). Судя по ответам киевского митрополита Иоанна таковые черноризцы оставались вне епископского контроля и для Руси (Канонические ответы митрополита Иоанна II... Стб. 14 [Иоан. 25]).

⁴⁹ В данном отношении показательно крайне отрицательное отношение Иоанна IV Грозного к таковым странствующим черноризцам, как, впрочем, и иным попрошайкам, в том числе, из числа мирян и даже поповства: «**По миру скитаются чернцы и черницы попы и миряне, жонки строи со святыми иконами и на сооружение собирают и на окупъ и называются проданые и милостыни просят на торгу и по улицамъ и по селомъ и по дворомъ съ образы ходять**» (Стоглав [1862]... С. 59 [13 вопр.]; Стоглав // ПРП... Т. 3. Кн. 2. С. 35 [13 вопр.]). По сути, царь затронул крайне пикантную тему мошенничества со стороны духовенства и монашества (о мошенничестве со стороны духовных лиц см. Лунин С. В. Стоглав: историко-правовое исследование... С. 80–81).

с упомянутой группой связаны описанные в Русской Правде случаи блуда и пьянства⁵⁰. Во всяком случае, запечатлённое в летописании шутовское отношение Владимира Мономаха к выпившим и от того шумным монахам и духовенству⁵¹ вполне убедительно показывают, что уже упоминавшееся отрицательное отношение Авраамия Смоленского к посещению пиров было небезосновательным. Таким образом, даже странствующие иноки могли получать от жизни свою долю еды, а с ней и человеческого счастья.

Монастырский стол, его ритуалы и блюда

Имеющиеся источники не позволяют полноценно реконструировать обычный дневной рацион иноков, однако частичное воссоздание монашеского стола в XI–XIII вв. возможно. О монашеском столе, его достатке и блюдах можно судить на основании целого ряда источников: соответствующих глав Студийского Устава, жития Феодосия Печерского, Печерского патерика и Вопрошания Кирика Новгородца. Правда, при этом, все перечисленные источники, точнее их тексты, конечно же, не преследовали своей целью воссоздавать историческую реальность. Содержавшиеся в них рассказы были призваны служить некими нормами, если дело касается устава, или, в случае агиографического текста, примерами должного и запретного. Поэтому приводимые в них случаи и ситуации — не более чем образцы. Действительность же, несомненно, была богаче. Но об этом можно только догадываться.

Попадавшие на стол инока или братии блюда зависели от множества факторов: от норм принятого в обители устава, наличия или отсутствия поста, господских или иных праздников, достатка обители или монаха, вкусов инока, воли настоятеля, возможностей и кулинарных способностей повара, статуса монаха в иерархии общины, наконец, от того, за каким (чьим) столом он находился, с кем вкушал или кого угощал.

Не смотря на то, что в исследовательской литературе довольно часто отстаивается идея господства на Руси Студийского Устава⁵²,

---

⁵⁰ Устав князя Ярослава о церковных судах [Пространная редакция. Основной извод] // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. С. 89 [ст. 44, 46].

⁵¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 238.

⁵² Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Кн. 2: История Русской Церкви в период совершенной зависимости её от константинопольского патриарха (988–1240) / науч. ред. А. В. Назаренко. М., 1995. С. 176; Поннэ А. Студитына Руси. Истоки и начальная история Киево-Печерского монастыря. Київ, 2011. (Ruthenica. Supplementum 3).

применительно к описываемому периоду данный тезис спорен и дискуссионен⁵³. Тем не менее, единственный источник, позволяющий получить максимально точное представление о том, какой должна быть пища инока в общежительном монастыре XI–XIII вв. — Студийский Устав. Что касается своекоштных монастырей, то их рацион применительно к домонгольскому периоду, в отличие от стола некоторых известных пустынно-нестяжателей XV в.⁵⁴, едва ли возможно восстановить. Студийский Устав сохранился в значительном числе списков⁵⁵. Не разбирая детально уставных норм относительно организации трапезы, остановимся на главном — чинопоследовании трапезы и подававшихся блюдах.

Студийский Устав довольно подробно и крайне скрупулёзно регламентирует ноческую трапезу. Этому посвящена специальная весьма пространная и объёмная глава, «Оуставникъ расматрѣяя о брашьне же и о питии мнихом(ъ)»⁵⁶. Очевидно, что вкушению пищи у студитов отводилось существенное внимание. Устанавливавшийся порядок организации и проведения монастырских столов предварялся пространным обоснованием такого отношения к еде⁵⁷. Именно поэтому вкушение блюд должно было становиться своего рода продолжением храмового служения, сопровождаться чтением священных текстов и молитвословиями. В какой-то мере такая оценка монашеской трапезы напоминала отношение первых христиан к агапам, вечерам любви, сочетавшихся с таинством Евхаристии⁵⁸.

⁵³ О возражениях концепции А. Поппэ см.: *Артамонов Ю. А.* Гипотеза, выстроенная на гипотезах: по поводу нового исследования А. Поппэ. Рецензия на книгу: *Поппэ А.* Студиты на Руси: Истоки и начальная история Киево-Печерского монастыря [Ruthenica. Supplementum 3]. Київ, 2011. [Электронный ресурс] // <http://www.sedmitza.ru/text/3614078.html> (Дата обращения: 31.01. 2016.).

⁵⁴ Упрекая «пустынника» Вассиана, выступившего против Иосифа Волоцкого и защищавшего идеи нестяжателей, новгородский монах Зиновий Отенский в своём «Многословном послании на зломудрие Косого» утверждал, что тот вкушал «романею, бастр, мушкатель, рейнское белое» (*Адрианова-Перетц В. П.* Вассиан Патрикеев // *История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1941–1956; Т. 2. Ч. 2. Литература 1220-х — 1580-х гг. М.; Л. 1945. С. 325).*

⁵⁵ Перечень имеющихся списков Студийского Устава на Руси см.: *Пентковский А. М.* Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001. С. 177–194.

⁵⁶ Текст Студийско-Алексиевского устава... С. 368–380.

⁵⁷ Там же... С. 368, 372.

⁵⁸ Об агапах первых христиан см. подробнее: *Скабаланович М.* Толковый Типикон. Объяснительное изложение Типикона с историческим введением. Киев, 1910. Вып. 1. С. 76–84; *Голубцов А. П.* Из чтений по церковной археологии и литургике. Литургика. Сергиев Посад, 1918. С. 15–18; *Соколов П. Н.* Агапы, вечера любви в древнехристианском мире. СПб., 2011.

Устав описывает монастырскую трапезу максимально подробно и даже щепетильно, не упуская из внимания ни одной мелочи. По завершении литургии, часов или иной службы, после специального призывания была возглавляемая служащим священником и идущим рядом с ним игуменом братия монастыря с псалмопением приходит в трапезную. Первыми в помещение входят служащий «поп» и настоятель. У стола все распределяются согласно своему «чину». После этого священник совершает полагающиеся молитвы, принимает благословение от игумена, который также благословляет столы знамением креста. Братия завершает молитвы всеобщим «Аминь». Первым садится игумен. Только после этого занимают свои места остальные насельники.

По завершении положенного возглашения служащего священника и братского молитвенного одобрения начинает читать чтец. Вносятся «варево» и «брашно», которые выставляются на столы. Священник вновь встаёт и благословляет еду. Каждый раз его возглас сопровождается молитвенным согласием встающих черноризцев. Первым начинает вкушать игумен: «И на неже игоумень брашно роукоу наложить . тьгда и прочии вси ясти начнут(ь)»⁵⁹. Особое внимание Устава обращено на поведение участников трапезы. Им запрещается разговаривать, они обязаны молча, совершая про себя молитву, вкушать поданное и слушать чтеца⁶⁰.

Все блюда подаются в соответствии с рангом. Сначала себе берёт пищу игумен. Ему же первому подаются вино, укроп, варево и сочиво. Только после этого кутник и иные приставленные служить в трапезной лица обносят предложенные и благословлённые настоятелем спиртное и блюда вдоль братских столов. В соответствии с правилами, еда подаётся старшим инокам и только после этого — младшим. Устав чётко определяет количество и объём порций, предназначенных для насельников, ограничивая желания и аппетиты монахов⁶¹. Каждая перемена блюд сопровождается ударом игуменской ложки и благословением. В отсутствие игумена трапезу возглавляет эконо́м. Делает удары ложкой только лицо, возглавляющее стол, но преимущественное право осенять столы крестным знамением остаётся за тем, кто почтён священническим саном. В отсутствие игумена обязанности старшего возлагаются на служащего священника, иного «попа» или того, на кого укажет игумен.

---

⁵⁹ Текст Студийско-Алексиевского устава... С. 369.

⁶⁰ Там же... С. 369, 372.

⁶¹ Там же... С. 373.

Братия же лишена права самостоятельно принимать из своей среды чьё-либо благословение⁶². Описанная трапеза, безусловно, максимально ритуализирована, а её порядок — формирует особую форму церковной дисциплины, уравнивающей и даже обезличивающей всех насельников монастыря, выводя из этого круга лишь игумена, эконома и монахов, облечённых саном. Впрочем, представляемые в исследовании выводы имеют лишь предварительный характер.

Устав запрещал выносить что-либо из трапезной, кроме тех случаев, когда тот или иной монах болел или находился на послушании⁶³. Ограничивалось и число мисок, которые мог съесть черноризец в течение обеда⁶⁴. К тому же при всех строгостях устав предполагал в монастыре две трапезы и вечернее вкушение пищи⁶⁵. В итоге, стало бы преувеличением говорить и о том, что братия испытывала голод или, по крайней мере, изнуряла себя постом. Не менее интересны зафиксированные уставом практика собирания укрупов⁶⁶, недоеденного, и одновременно с этим уже упомянутые налажавшиеся на иноков ограничения относительно количества съедаемых порций, число которых порой доходило до трёх⁶⁷. Вводимая регламентация ясно указывает на то, что при даже самом живом аппетите, рацион насельников студийского монастыря вполне допустимо признать обильным. В целом это соответствовало реалиям европейского средневекового мира, объясняясь иными условиями и историко-культурными нормами и формами существования людей той эпохи.

Необходимо отметить, что первые поселенцы основанной монахом Антонием Печерской обители пользовались сложившейся в общине внутренней свободой. Собственно и сам Феодосий долгое время предпочитал воздействовать на своих учеников и постриженников силой личного примера. Однако по мере расширения монастыря и разрастания его братии такая форма управления становилась крайне не эффективной. Вполне вероятно, введение в обители строгих церковно-дисциплинарных студийских норм, имело своей целью справиться с трудностями в деле организации жизни умножившейся братии. Впрочем, если

⁶² Там же... С. 369.

⁶³ Там же... С. 371.

⁶⁴ Там же...

⁶⁵ Там же... С. 368–371.

⁶⁶ Там же... С. 370.

⁶⁷ Там же... С. 373.

принять во внимание, что братия монастыря формировалась из числа представителей древнерусской знати или, по меньшей мере, свободного населения, единственным способом воздействия на иноков, прежний социальный статус которых вполне мог и превосходить положение Феодосия, оставался личный пример. Поэтому нельзя исключать того, что выказываемое первыми игуменами смирение было не только результатом их духовного состояния, но и объективной необходимостью, определявшейся обстоятельствами времени. В складывавшихся обстоятельствах введение строгих дисциплинарных норм видится единственным способом решения накопившихся в обители проблем.

Восстановить в полном объёме монастырское меню XI–XIII вв. едва возможно. Тем не менее, в некоторых случаях дело небезнадёжно. Житие Феодосия Печерского сохранило как минимум два описания иноческого рациона. Первая история связана с начальным периодом жизни монастыря, когда община ещё жила в пещерах: «В субботу же и в воскресенье ели чечевицу, но зачастую и в эти дни не было чечевицы, и тогда ели одни вареные овощи»⁶⁸. По мнению составителя памятника, в эти годы нередко единственной едой, подававшейся после утренних служб перед обычными дневными послушаниями, служили одни только вода и хлеб⁶⁹. Второй рассказ представляет описание стола, накрытого в прославленной обители по случаю приезда князя Изяслава: «И когда приходил кто-нибудь к Феодосию, то после духовной беседы угощал он пришедших обедом из монастырских припасов: подавали хлеб, чечевицу и немного рыбы. Не раз вот так же обедал и христолюбец Изяслав <...>»⁷⁰. Судя по этим упоминаниям, чернический рацион был предельно прост.

Значительно легче реконструируется общий рацион иноков. Некоторые блюда рекомендовал Студийский Устав. Если не вдаваться в особенности кухни каждого поста, открывается возможность увидеть комплекс традиционных иноческих блюд, характерных для монашеской среды описываемой эпохи. Рекомендации имели некоторые свои отличия, вероятно, объяснявшиеся не только строгостью и послаблением воздержания в определённые дни, но и иным. Вероятно, набор продуктов и блюд оправдывался их доступностью и природными сезонами. Среди таковых Устав определяет: вино, уксус, варево, пшено, кутник (кутия), зелие, хлеб, сочиво, мёд, рыба, уха, сыр, древяное (оливковое) масло, яйца, груши,

---

⁶⁸ Житие Феодосия Печерского... С. 331.

⁶⁹ Там же...

⁷⁰ Там же... С. 357.

сливы, смоквы (оливки, маслины), сушеный виноград, орехи, солёная капуста, укроп, лук⁷¹.

Столь же содержательны сообщения Печерского Патерика. Судя по рассказам о первых годах жизни Печерского монастыря, быт и стол иноков предстают крайне трудными. Житие Феодосия упоминает, что значительная часть подававшейся в этот период на стол иноков еды, овощи-зеленые, выращивалась на собственных монашеских огородах⁷². За нехитрые вещи, делавшиеся собственными руками, иноки выкупали зерно, в дальнейшем использовавшееся для изготовления хлеба⁷³. Однако уже в последние годы жизни Феодосия ситуация не видится уже такой тяжёлой. Насельники и гости обители уже могли вкушать рыбу и чечевицу. К тому же монастырь стал часто получать всевозможные благодеяния и разнообразную помощь, которую после долгих лет крайне скудного существования братии воспринимали как чудо. О разительных переменах можно судить не только по уже приводившимся примерам из жизни Печерского монастыря, но и по иным, не менее важным источникам: упоминавшимся выше каноническим ответам митрополита Иоанна, затрагивавшего крайне щекотливую тему монашеских пиров⁷⁴, и по ответам, данным епископом Нифонту Кирику по одному из вопросов⁷⁵.

Если в первом случае можно лишь судить об обилии накрывавшегося стола, то во втором случае — о том, что, по мнению иерарха, должен был вкушать монах. Учитывая, что Нифонт был выходцем из Печерской обители, нельзя исключать того, что данный им совет был основан, в том числе, и на личном монашеском опыте пребывания в обители преподобного Феодосия.

Всё выше изложенное позволяет заключить, что присутствовавшие на Руси нормы и обычаи приёма пищи в целом соответствовали традициям византийского монашества. Правда, утверждать, что они были

⁷¹ Там же... С. 369–378.

⁷² Там же... С. 331.

⁷³ Там же...

⁷⁴ Канонические ответы митрополита Иоанна П... Стб. 16–17 [Иоан. 29].

⁷⁵ Отвечая на один из вопросов Кирика, Нифонт дал такую рекомендацию: «**На Воздвижение Креста нельзя есть рыбу монахам, а белому духовенству — масла. А в другие дни, поцеловав крест, можно есть всё, включая мясо. А если кому случится взирать или надевать [крест], то поцеловав [его], есть всё**» (РИБ. Т. 6. Ч. 1. Стб. 30 [Кирик. 25]; Вопросание Кириково (Перевод) // Мильков В. В., Симонов Р. А. Кирик Новгородец: учёный и мыслитель // Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. М., 2011. Вып. 7. С. 416, 439 [Кирик. 25]).

совершенно тождественны греческим образцам, пока не представляется возможным. Судя по сообщению о трапезном пристрое в новгородской обители Антония Римлянина, как и по заданным Кириком местному владыке вопросам, можно заключить, что единообразных правил приёма пищи ещё не существовало даже в общежительных обителях Древней Руси. Очевидно, что питание в монастырях зависело от множества факторов, но, прежде всего, от канонических влияний, привнесённых основателями обителей и материального достатка иноческой общины и её насельников. Тем не менее, даже скромная монашеская трапеза хоть и не отличалась изыском, но по объёму была обильна. Достаток иноческого стола во многом зависел и от организационной формы иноческой общины и принятого в ней устава. В монастырях, допускавших самостоятельные формы жизни монахов, обилие стола почти всецело определялось личным достатком инока и щедростью оказывавшихся ему благотворений.

В результате нередко человеческое, аппетит и голод брали своё. В подобных ситуациях ещё одним важным источником питания для монахов, как и духовенства вообще становилось посещение пиров и трапез вне стен родных монастырей. Притом, что участие черноризцев в подобных застольях, где бы они ни проводились: в обители или в доме знати, — в церковной литературе оценивалось в большинстве случаев неодобрительно, в действительности, скорее всего, было обычным и общепринятым явлением. Сложнее всего установить то, как питались странствующие монахи. Однако, наиболее вероятно, их стол всецело зависел от подаваний. И судя по статьям Русской Правды, в вине инокам точно не отказывали. Именно таковым видится стол древнерусского инока, пища которого отражала в себе всю противоречивую совокупность церковного подвига, социального происхождения калугера и представлений о христианской норме и должном поведении у современников.

Источники и литература

1. *Адрианова-Перетц В. П.* Вассиан Патрикеев // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941–1956; Т. 2. Ч. 2. Литература 1220-х — 1580-х гг. М.; Л. 1945. С. 322–325.
2. *Арранц Михаил Sĵ.* Избранные сочинения по литургике. В 5 т.: Т. 4: Византийский монашеский постриг. Исторический опыт. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2003. 307 с.
3. *Будовниц И. У.* Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.) / отв. ред. В. Л. Черепнин. М.: АН СССР, 1960. 488 с.
4. Великий часослов. М.: «Паломник», 1995. 878, [XX] с.
5. *Викул Т. Л.* Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв. М.: «Квадрига», 2009. 408 с.
6. Вопросы Кирика, Саввы и Ильи, с ответами Нифонта, епископа Новгородского, и других иерархических лиц // Русская историческая библиотека. Т. 6: Памятники канонического права: Ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб., 1880. Стб. 21–62.
7. Вопрошание Кириково (Перевод) // *Мильков В. В., Симонов Р. А.* Кирик Новгородец: учёный и мыслитель // Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. 7 / отв. ред. И. А. Григорьева. М.: «Кругъ», 2011. С. 413–428.
8. *Воронин Н. Н.* Даниил Заточник // Древнерусская литература и ее связи с новым временем / отв. ред. О. А. Державина. М.: «Наука», 1967. С. 54–101.
9. Въ тѣхъ д[е]нь съказание и страсть и похвала с[вя]т[и]ю м[у]ч[е]н[и]коу бориса и глеба г[оспод]и бл[а]г[о]с[ло]ви о[т]че // Успенский сборник XII–XIII вв. / ИРЯ АН СССР; под ред. С. И. Коткова. М.: «Наука», 1971. С. 42–58.
10. *Гайденок П. И., Москалёва Л. А., Фомина Т. Ю.* Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы. М.: «Университетская книга», 2013. 150 с.
11. *Голубцов А. П.* Из чтений по церковной археологии и литургике. Литургика. Сергиев Посад, 1918. 286 с.
12. *Данилевский И. Н.* Холопское счастье Даниила Заточника [Электронный ресурс] // Казус. 2002. № 4. // <http://www.orbis-medievalis.ru/library/dan-dan.pdf>, свободный — Проверено 18.01. 2016.
13. Житие Авраамия Смоленского // Библиотека литературы Древней Руси: Т. 5: XIII век / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: «Наука», 2005. С. 30–65, 456–459.
14. Житие Феодосия Печерского // Памятники литературы Древней Руси: XI — начала XII века / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачёва. М.: «Художественная литература», 1978. С. 305–392, 456–458.
15. Канонические ответы митрополита Иоанна II // Русская историческая библиотека. Т. 6: Памятники канонического права: Ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб., 1880. Стб. 1–20.

16. Киево-Печерский Патерик // Библиотека литературы Древней Руси: Т. 4: XII век / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: «Наука», 2004. С. 296–489.

17. Кирилл, епископа Туровского, сказание о черноризском чине из Ветхого Завета и Нового: того носит образ, а этого наполняет делами // Колесов В. В. Творения бл. Кирилла Туровского. Притчи, слова, молитвы. Исследования и тексты / публ., коммент., предисл., пер. В. В. Колесова. М.: «Палея», 2009. С. 53–64.

18. Кирилл монаха притча о человеческой душе и теле, о нарушении Божьей заповеди и о воскресении тела человеческого, о Страшном Суде и мучении // Колесов В. В. Творения бл. Кирилла Туровского. Притчи, слова, молитвы. Исследования и тексты / публ., коммент., предисл., пер. В. В. Колесова. М.: «Палея», 2009. С. 25–40.

19. Ковина Е. Устав о посте по Типикону [Электронный ресурс] // http://leushino.ru/kurs/ustav_o_poste_po_tipikonu.html, свободный – Проверено 09.01. 2016.

20. Литаврин Г. Г. Христианство в Болгарии в 927–1018 гг. // Христианство в странах Восточно-, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия / РАН Ин-т славяноведения; отв. ред. Б. Н. Флоря. М.: «Языки славянской культуры», 2002. С. 133–189.

21. Лунин С. В. Стоглав: историко-правовое исследование: монография / под ред. С. Н. Ревинной. Самара: ООО «Офорт», 2012. 164 с.

22. Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Кн. 2: История Русской Церкви в период совершенной зависимости её от константинопольского патриарха (988–1240) / науч. ред. А. В. Назаренко. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. 704 с.

23. Мильков В. В. Первый ученый Руси: жизнь, творчество, идейное своеобразие воззрений. К 900-летию Кирика Новгородца // Россия XXI век. 2010. № 6. С. 90–123.

24. Мильков В. В., Симонов Р. А. Кирик Новгородец: учёный и мыслитель / Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. VII. М.: Изд-во «Кругъ», 2011. 544 с.

25. Неведомы(х) словесъ . изложено Георгиемъ . митрополито(м) Киевскимъ . Герману игоумену въпрашающу . оному поведающу // Славяне и их соседи. Славянский мир между Римом и Константинополем. М.: «Индрик», 2004. Вып. 11. С. 233–255.

26. Память и похвала Иакова мниха князю Владимиру Святославичу // Памятники общественной мысли Древней Руси: Т. 1: Домонгольский период / сост., автор вступ. ст. и коммент. И. Н. Данилевский. М.: РОССПЭН, 2010. С. 282–288.

27. Пентковский А. М. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2001. 420 с.

28. Повесть Кирилла, многогрешного монаха, о белоризцах и о монашестве, о душе и о покаянии — Василию, игумену Печерскому // Колесов В. В. Творения

бл. Кирилла Туровского. Притчи, слова, молитвы. Исследования и тексты / публ., коммент., предисл., пер. В. В. Колесова. М.: «Палея», 2009. С. 41–52.

29. *Поппэ А.* Студитына Руси. Истоки и начальная история Киево-Печерского монастыря. Київ: Інститут історії НАН України, 2011. 150 с. (Ruthenica. Supplementum 3).

30. *Романов Б. А.* Люди и нравы Древней Руси: историко-бытовые очерки. М.; Л.: «Наука», 1966. 240 с.

31. *Рыбаков Б. А.* Даниил Заточник и владимирское летописание конца XII в. // Археографический ежегодник за 1970 г. М.: «Наука», 1971. С. 43–89.

32. *Секретарь Л. А.* Антониев Рождественский монастырь // Архитектурное наследие Великого Новгорода в Новгородской области / сост. и науч. ред. М. И. Мильчик. СПб.: Фонд содействия реставрации памятников истории и культуры «Спас»; «Лики России», 2014. С. 229–231.

33. *Секретарь Л. А.* Монастыри Великого Новгорода и окрестностей. М.: «Северный паломник», 2011. 656 с.

34. *Семенюк О. О.* Кем был загадочный Даниил Заточник? // Образование. Наука. Научные кадры. 2015. № 5. С. 18–21.

35. *Скабаланович М.* Толковый Типикон. Объяснительное изложение Типикона с историческим введением. Киев, 1910. Вып. 1. 491 с.

36. Слово блаженного Кирилла на Вербное воскресенье // *Колесов В. В.* Творения бл. Кирилла Туровского. Притчи, слова, молитвы. Исследования и тексты / публ., коммент., предисл., пер. В. В. Колесова. М.: «Палея», 2009. С. 65–70.

37. Сказание о житии преподобного Антония Римлянина // Святые русские римляне: Антоний Римлянин и Меркурий Смоленский / подг. текстов и исслед. Н. В. Рамазановой. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2005. С. 233–272.

38. Слово Даниила Заточника, которое он написал своему князю Ярославу Владимировичу // Памятники общественной мысли Древней Руси: В 3 т.: Т. 1: Домонгольский период / [Сост., авт. вступ. ст. и коммент. И. Н. Данилевский]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 154–161.

39. Службы Первой седмицы Великого поста. В 2 кн. М.: Изд. отдел Московского Патриархата, 1993. Кн. 1. 303 с.

40. *Соколов П. Н.* Агапы, вечера любви в древнехристианском мире. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2011. 256 с.

41. Стоглав. Казань, 1862. 442 с.

42. Стоглав // Памятники российского права. В 35 т. Т. 3. Памятники права Московского государства. Кн. 2 / под общ. ред. Р. Л. Хачатурова. М.: «Юрлитинформ», 2014. С. 25–119.

43. *Судаков Г. В.* Монастырская трапеза в XVI в. // Русская речь, 1998. № 6. С. 70–75.

44. Текст Студийско-Алексиевского устава // *Пентковский А. М.* Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М.: Изд-во Моск. Патриархии, 2001. С. 333–420.

45. Требник. СПб., 1884. 310 л.

46. Устав князя Ярослава о церковных судах [Пространная редакция. Основной извод] // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / сост. Я. Н. Шапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. М.: «Наука», 1976. С. 85–91.

47. Федотова Е. Запрещенная трапеза в Библии // «Пир — это лучший образ счастья». Образы трапезы в богословии и культуре / под ред. С. Панич, И. Языковой. М.: Изд-во ББИ, 2016. С. 42–53.

48. Филиппов В. Г. К вопросу об источниках материального обеспечения древнерусских монастырей // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История. Вып. 52. 2012. № 25 (279). С. 115–123.

49. Чумакова Т. В. Сотрапезничество со Христом. Образ трапезы в древнерусской книжности // «Пир — это лучший образ счастья». Образы трапезы в богословии и культуре / под ред. С. Панич, И. Языковой. М.: Изд-во ББИ, 2016. С. 91–103.

Pavel Gaidenko. Monastic Feasts and Meals: Some Materials for the History of Medieval Russian Monasticism of the 11th — 13th Centuries.

One of the key elements in the life of a medieval Russian monastery was the refectory meal. It included a particular ritual aspect, and the consumption of various foodstuffs had not only a utilitarian but also a religious purpose. This monastic practice was well grounded in the early Christian tradition and even, in part, continued its ideals. Monastic typica preserved and furthered the continuation of such traditions; among them the Studite Typicon is the best known. It is quite possible that the strict regulation of the amount and type of food consumed not only enlarged the sphere of the sacred, but also made monastic life more disciplined. The common meal also strengthened the ideals of cœnobitic monasticism. On the other hand, the Abbot, his assistants, and those monks who had sacred orders were separated from the general community. In summary, a description of monastic meals offers us much of interest about the internal life of monasteries, their provisions, the ideals that reigned in the hearts and minds of monks, and the various social norms and problems that existed in a monastic community. In the present article, the phenomenon of Russian monastic meals is described for the period of the 11th to 13th centuries, and, based on this analysis, a partial reconstruction of the lifestyle of Russian medieval monasticism is offered.

Keywords: medieval Russian monasticism, history of the Russian Church, medieval Russia, medieval Russian meals, refectory meals, monastic cuisine, history of everyday life, lifestyles in medieval Russia, Studite Typicon, monastic typica in medieval Russia.

Pavel Ivanovich Gaidenko — Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor at the Department of History and Philosophy at Kazan State University of Architecture and Construction, Professor at the Department of the Humanities of Kazan National Technical Research University.